

МНЕ ДОВЕЛОСЬ быть в Англии весной 1980 года, когда в витринах лондонских книжных магазинов впервые выставили новый, совсем небольшой по объему роман Грэма Грина «Доктор Фишер из Женевы, или Ужин с бомбой». Появлению этой книги не сопутствовала назойливая реклама, способная превратить в бестселлер даже чтиво весьма невысоких достоинств. («Хорошее вино не нуждается в этикетке», — прочел я потом у Грина.) И тем не менее «Доктор Фишер» сразу вышел на орбиту читательского внимания, причем не только в Англии, — лучшей рекламой ему служило прославленное имя автора.

Ведь Грэм Грин — пожалуй, самый крупный из ныне здравствующих прозаиков Запады. И то обстоятельство, что его имени нет в списке лауреатов Нобелевской премии, наносит ущерб скорее авторитету этой премии, чем писателя.

В нашей стране произведения Грина широко известны: «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване», «Суть дела» и

ком порту на берегу Параны, среди подъездных путей и желтых кранов, глядя на перистую линию дыма, которая стелилась над Чако. Она тянулась между багровыми отсветами заката как полоса на государственном флаге...» И все же для стиля поздних гриновских произведений характерна тяга к высокой, классической простоте, и изощренные метафоры — лишь отдельные островки в потоке точных и тонких наблюдений, метких и мудрых, афористически четких суждений. Кажущаяся простота его книг открывает вдумчивому читателю сложность современного мира.

Один из героев «Почетного консула» — писатель Хорхе Хулио Сааведра заявляет: «Поэт, а настоящий романист непременно должен быть по-своему поэтом, имеет дело с вечными ценностями. Шекспир избегал политических вопросов своего времени, политических мелочей. Его не занимали ни Филипп, король Испании, ни такой пират, как Дрейк. Он пользовался историческим прошлым, чтобы выразить то, что я называю поли-

буквально под ногами, до других надо докапываться, исследуя все новые пласты жизни и расширяя пределы «Гринленда». Главное — ни одна отдельно взятая частица Истины не дает полного представления о ней. И Грин неутомим в поисках, сопоставлении добываемых опытом и прозрениями частиц Истины, разбросанных в раздробленном мире.

Писатель ищет не некий абстрактный абсолют, а правду о реальной действительности. Ищет не только в пространстве, но и во времени, стремительно убаютающееся движение в котором, изменяя мир, должно менять и представления о нем. К тому же Истина — не раз и навсегда изваянный сосуд, который можно реконструировать по черепкам, а скорее — огонь, пылающий в сосуде. И, завладев хотя бы частицей этого огня, художник-гуманист несет ее людям. В этом прометеева миссия творца.

Впрочем, сам Грин не отваживается в открытую провозглашать столь широкое понимание писательской миссии. Да, он видит в творчестве форму терапии, но лишь авторотерапии. «Писатель пишет не для того, чтобы помочь человечеству, а для того, чтобы помочь самому себе...» Что ж, парадокс нередко служит Грину не только средством постижения действительности, но и защиты от нее. Однако, пожалуй, это типичный пример, когда творческая практика художника ушла далеко вперед от его теории. Ибо в силу социальной значимости своей профессии, открывая как бы для личного пользования некий «антибиотик» от недугов, которыми заражено исследуемое им общество, писатель тем самым врачует не только себя, но и всех кому адресует свои книги. И в произведениях Грэма Грина авторотерапия, даже помимо его собственной воли, перерастает в терапию социальную.

поначалу иронически очерченная фигура обретает некое трагическое достоинство. Точно так же опустившийся престарелый Фортнум в «Почетном консуле» оказывается способным на сострадание и большое, преображающее его чувство, мужественно ведет себя перед лицом смертельной опасности. Недаром доктор Плэарр признается себе в финале романа: «Такое глупое, избитое слово — любовь. Для меня оно никогда не имело смысла. Как и слово бог... Жалкий пьянчужка Чарли Фортнум победил меня в этой игре».

Грешник у писателя сплошь и рядом бывает на поверку в чем-то праведником, а праведник — не без греха. Таким образом, население «Гринленда» составляют по большей части далеко не одномерные люди и не «люди без свойств».

Эпиграфы из моды вышли ныне — во всяком случае, встречаются они теперь гораздо реже, чем в литературе прошлых эпох. Своеобразный традиционализм Грина проявляется и в том, что он нередко предпосылает своим книгам лаконичные словесные увертюры, которые дают ключ к углубленному постижению его произведений. К «Почетному консулу» взят эпиграф из Томаса Харди: «Все слито воедино: добро и зло, великодушие и правосудие, религия и политика...» Есть эпиграф и у только что изданного романа Грина «Монсиньор Кихот» (тема Дон Кихота и донкихотства давно волнует его). На сей раз избраны слова шекспировского Гамлета: «Ничто не бывает само по себе хорошим или плохим, — все зависит от нашего восприятия» И те, и другие строки созвучны мироощущению писателя.

На протяжении всей своей жизни Грин занят поисками и утверждением нравственных основ, которые могут помочь выстоять человеку в том безумном, безумном мире, где «бешеные деньги» калечат души и судьбы людей. По формальному признаку его нередко зачисляют в разряд католических писателей. Но как много еретических для правоверного католика мыслей содержится в гриновских произведениях! Невольно вспоминаются слова Торнтона Уайлдера: «Религия — только платье истинной веры, и платье это зачастую прескверно шито».

Предостерегая от отождествления себя с кем-либо одним из героев, Грин «растворяется» одновременно во многих из них. Его восприятие окружающей действительности по природе своей диалогично. В насыщенных диалогах отца Риваса и доктора Плэарра, коммуниста Мажио и Брауна («Комедианты»), монсиньора Кихота и Санчо отчетливо проступают собственные нравственные искания писателя, включающие и пристальный интерес к марксизму, который, однако, тоже воспринимается им как иная, но своего рода религия.

ПЛАТЬЕ религии определенно тесно для веры Грэма Грина. Во что же он верит? Некоторыми образами и ситуациями, сюжетными поворотами своих произведений писатель словно хочет внушить нам: «Верую, ибо это парадоксально». Но, несмотря на изрядную дозу пессимизма, «окрашивающего» порой его книги, думается, все же можно констатировать: символ веры для него именно в двух емких словах — «человеческий фактор». Не вызывает сомнений гуманистический характер мировоззрения Грина. Поэтому симпатии его откровенно на стороне тех, кто борется за свободу и справедливость. Поэтому так импонируют ему сегодняшние наследники Дон Кихота с их состраданием ближним и неистребимой жаждой защищать униженных и оскорбленных. Да и сам Грин прямо сказал в беседе с Евгением Евтушенко («ЛГ», № 32, 1981): «Я бы чувствовал себя лично виноватым в каждом случае, если бы не выразил своего протеста против несправедливости...»

Слово не расходится у Грина с делом. Сейчас он живет на юго-востоке Франции, в городе Антиб. Живет вовсе не отшельником: отсюда он внимательнейшим образом продолжает следить за всеми событиями в мире и в свои почти 80 лет сохраняет мощный гражданский темперамент. Подтверждением тому стала, в частности, выпущенная в прошлом году по-английски и по-французски его публицистическая брошюра с красноречивым, заимствованным у Золя названием «J'accuse» — «Я обвиняю». В ней писатель, никогда не уклонявшийся, если требовалось, от риска, вступает за беззащитную женщину и смело разоблачает преступные действия мафии, хозяйничающей в Ницце и на всем Лазурном берегу — в тех краях, где обносился Грин.

«Я обвиняю» — в сущности, это лейтмотив «Доктора Фишера», «Комедиантов» и целого ряда других произведений Грэма Грина. Недаром так «обиделся» на него после выхода «Комедиантов» и поставленного по книге фильма гаитянский диктатор «папа Док», чинивший изуверские расправы в Порт-о-Пренсе. Придя в ярость от сделанных писателем разоблачений, он распорядился подготовить и распространить по дипломатическим каналам антигриновское «досье» объемом почти в сто страниц, в котором «выводится на чистую воду» автор «Комедиантов», именуемый не иначе как наемный писака, садист, нефрофоб и извращенец, наделенный тысячами комплексов и пороков. По признанию самого Грина, он гордится этим уникальным изданием больше, чем наградой.

Наверняка столь же мало приятных минут, как «папе Доку» чтение «Комедиантов», доставило знакомство с «Почетным консулом» его парагвайскому собрату — генералу Стреснеру, мрачная тень которого витает над страницами этого романа. Устами проникательного полицейского Грин дает верную оценку тому, что сблизает двух «патриархов» и дало им возможность при поддержке американского империализма так долго удерживать власть (а Дювалье еще и передал «трон» своему достойному отпрыску): «У Генерала есть одно великое достоинство, которым обладал и папа Док в Гаити. Он антикоммунист...»

После появления «J'accuse» во французской прессе окрестили Грэма Грина «писателем-шерифом», ударившимся на старости лет в романтизм. Правильнее будет назвать его доблестным странствующим рыцарем литературы, свято следующим избранному девизу: «писать о любом случае несправедливости, когда мы в состоянии хоть чем-то помочь». И так, Грин обвиняет. Но он и верует. Верует в «человеческий фактор». Именно эта религия господствует в «Гринленде».

Святослав БЭЛЗА

НОВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО «ГРИНЛЕНДУ»

«Комедианты», «Тайный агент» и «Ценой потери», «Путешествие без карты»... Теперь к этому списку добавились романы «Доктор Фишер из Женевы» («Иностранная литература», № 6, 1982) и «Почетный консул» («Новый мир», № 6, 7, 1983) в переводе Е. Голышевой и Б. Изякова, а также очерк «J'accuse» — «Я обвиняю» («Иностранная литература», № 7, 1983), переведенный Д. Аграчевым. Три новые публикации в отечественной периодике добавляют свежие штрихи к портрету Грина-художника и дают повод задуматься о его творчестве в целом.

Грин много путешествовал: география его книг поразительно обширна. Правда, в критике было высказано как-то мнение, что «Порт-о-Пренс, в котором живут и действуют герои «Комедиантов», — часть «Гринленда», то есть особой, вымышленной писателем страны, что-то вроде фолкнеровской Иокнапатофи, только разбросанной по всему свету». Но нет, «Гринленд» — отнюдь не вымышленная страна. Романы-«путешествия» по ней изобилуют приметами реального времени и места. Вообще «Гринленд» — понятие скорее философско-этическое, художественное, и определяется оно не географическими, а нравственными координатами.

Свои романы, а их более чем за полвека создано немало (первый — «Человек внутри» — вышел в 1929 году), сам писатель делит на «серьезные» и «развлекательные». Но такое деление не слишком оправдано, ибо как большой художник-гуманист Грэм Грин и в так называемых «развлекательных» романах сплошь и рядом затрагивает важнейшие морально-философские и политические проблемы, а в книгах, безоговорочно признающих к «серьезной» литературе, нередко прибегает к острому сюжету, использует приемы детектива.

Поэтому произведения его обычно читаются легко (что писатель ставит себе целью), но не всегда легко понять их сокровенный смысл — как и у столь любимого им Чехова. И не так-то легко классифицировать гриновскую прозу, а тем более разгадать секреты его мастерства. Пишет он очень просто, с годами все более явно отдает предпочтение добротному реализму, но не отказываясь при этом от парадокса, иронии и гротеска. А ведь начинал Грин со стихов, и ранняя его проза отмечена буйством сложных поэтических метафор. Он и теперь с блеском владеет искусством неожиданных, впечатляющих сравнений — взять хотя бы самое начало «Почетного консула»: «Доктор Эдуардо Плэарр стоял в малень-

тической абстракцией. И сегодня писатель, желая изобразить тиранию, не должен описывать деятельность какого-нибудь генерала Стреснера в Парагвае — это дело публицистики, а не литературы...»

Оставим на совести гриновского персонажа утверждение, будто Шекспир избегал политических вопросов своего времени. Но сам Грин откровенно примыкает к другой линии в искусстве, когда художник своим творчеством — подобно Данте с его «Божественной комедией» — яростно вторгается в идущее у него на глазах противоборство идей и политических сил. И не оставляет высокомерно на откуп публицистике обжигающей своей актуальностью материал, почерпнутый в самых «горячих» точках земного шара. С чисто журналистской оперативностью, но на уровне подлинного искусства он переплавляет этот материал в слитки высокопробной литературы.

В противоположность Сааведра Грина постоянно интересует не «политическая абстракция», а живая социально-политическая конкретность. Вместе с тем даже когда он пишет на наиболее злободневные темы — будь то преддверие «грязной войны» во Вьетнаме в «Тихом американце» или злоеющая тирания гаитянского диктатора «папы Дока» в «Комедиантах», — все равно в его книгах обязательно присутствует глубокий философский подтекст, вызванный напряженными раздумьями автора о добре и зле, о «вечных» проблемах человеческого бытия.

Где бы ни происходило действие его книг — на Гаити или на Кубе, во Вьетнаме или Конго, в Мексике или Аргентине, в Швейцарии или Испании, — чувствуется, что Грин воспринимает мир как единое целое. И твердо знает, что понять происходящее кругом можно, лишь глубоко проникнув во взаимосвязь явлений, постигнув сопряженность судеб личных и всемирно-исторических. Мир, где царят жестокость и насилие, порождает часто повторяющиеся у него мотивы преследования и смерти. Он хочет добраться до самой «суть дела» и побуждает к тому же своих читателей. Отсюда такая любовь к диалогу, что зачастую его романы походят на пьесы или киносценарии: отсюда и склонность к парадоксам. И диалог, и парадокс — пути приближения к Истине.

Что же такое Истина, «суть дела» в гриновском ее понимании? Художник полагает, видимо, что она не просто запрятана, как кощеева смерть (подстрелишь зайца — из него вылетит утка), а скрыта похитрее — частями. Одни из них лежат

В КНИГАХ Грина непременно содержится заряд острой социальной критики. Внушительный заряд такого рода заложен и в книге «Доктор Фишер из Женевы, или Ужин с бомбой». Здесь писатель вводит нас в паноптикум богатых, но патологически жадных персонажей, для которых придумано уничтожающе-точное прозвище — «жабы».

У «жаб», как водится, есть свой «жабий король» — доктор Фишер. Этот разбогатевший на производстве зубной пасты магнат развлекается тем, что проводит, как он сам выражается, исследование, есть ли предел жадности у его весьма состоятельных знакомцев Сей длительный и, прямо сказать, дорогостоящий эксперимент выявил, что их жадность сильнее любого унижения, какое только можно придумать.

За столом у доктора Фишера собираются те, у кого богатство умертвило душу, и сам хозяин не составляет в этом смысле исключения, хотя и мнит себя намного выше своих гостей. В собственном представлении он хотел бы, видимо, выглядеть этаким Сатаной, правящим бал. Но сатанизм доктора Фишера ущербен, сбренчен, как и породившая его социальная среда: «жабий король» и его королевство появились на карте «Гринленда» не просто в порыве авторской фантазии, а на твердой почве наблюдений над буржуазной действительностью. В своем безграничном презрении к окружающим доктор Фишер утратил человеческие черты, превратившись, по сути, в такую же «жабу», как и остальные, только раздувающий поболеше. Поэтому отнюдь не случаен его бесславный конец — самоубийство в минуты, казалось бы, наивысшего торжества.

Миру «жаб» противостоят в книге Альфред Джонс и его жена Анна-Луиза, дочь доктора Фишера, столь не похожая на своего отца. Они не поддались разрушительной власти денег и твердо убеждены в том, что в жизни есть ценности поважнее — такие, как любовь и честь.

Взгляд Грина на мир далеко не во всем совпадает с нашим. Но не может не привлекать его серьезная озабоченность несовершенством этого мира, который раздираем противоречиями и в котором «все слито воедино». Художник четко реагирует на наиболее жгучие проблемы современности, стремясь трезво и честно разобраться в них. Притом все проблемы занимают его прежде всего в аспекте «человеческого фактора», если воспользоваться названием одного из последних романов Грина.

«Человеческий фактор» неизменно выступает на первый план лучших книг писателя. Грин заметил однажды: его интересует, «что есть человеческого в тех характерах, в которых человечность наименее очевидна на поверхности». Умение проникнуть под покров поверхности позволяет ему создавать образы с весьма сложным, парадоксальным психологическим рисунком, как «комедиант» Джонс или «почетный консул» Чарли Фортнум. В «гаитянской» романе Грина авантюрист Джонс настолько входит в роль героя, что находит в себе силы с честью доиграть ее, — и в свете такого финала эта